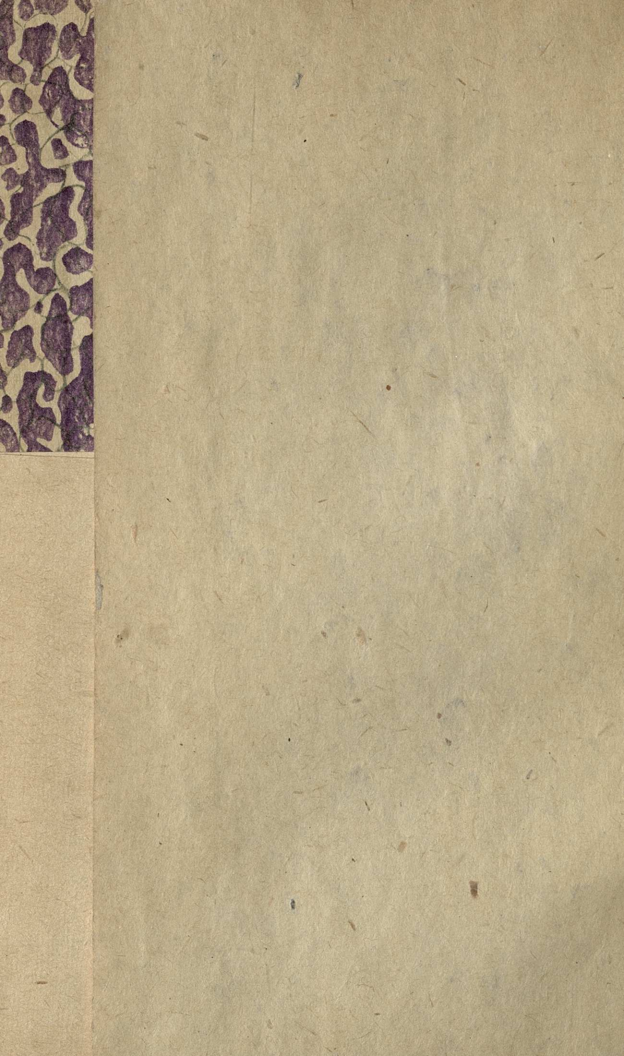
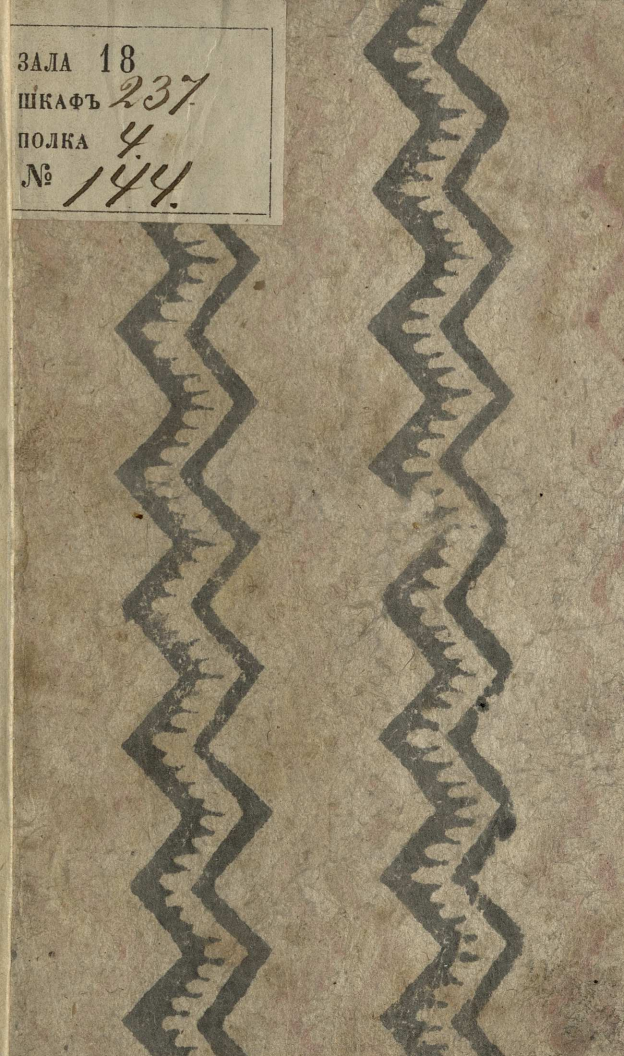
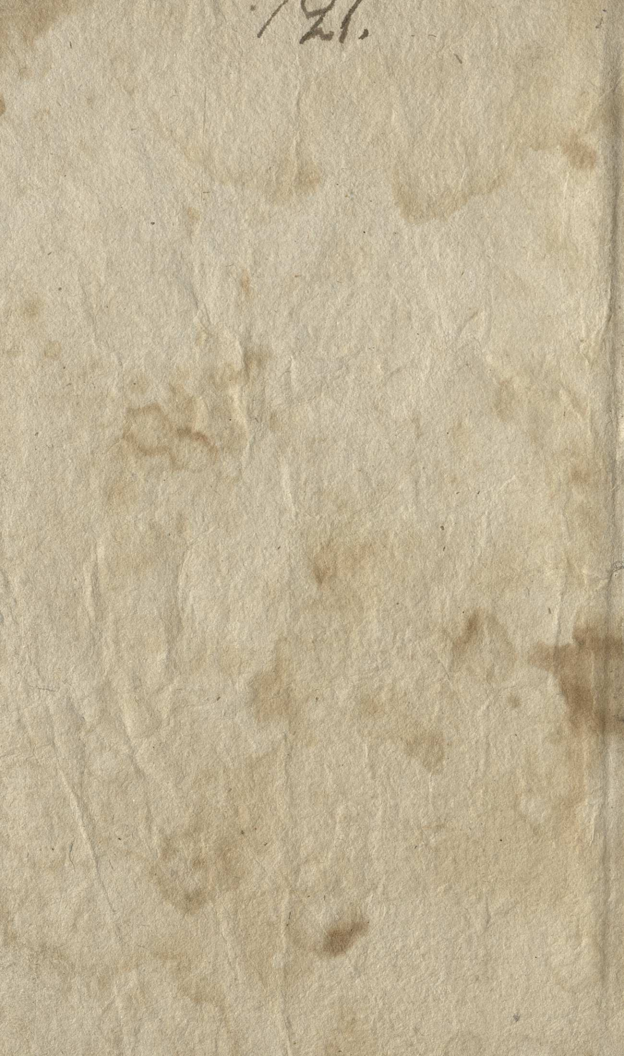

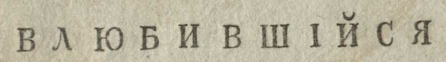

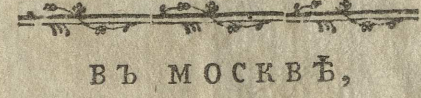

121.

ВЛЮБИВШІЙСЯ
РИМЛЯНИНЪ,
ИЛИ
ЩАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ ДРУЗЕЙ.

Съ Указнаго дозволенія.

ВЪ МОСКВѢ,
въ Типографіи при Театрѣ у Хр. Клаудія, 1789 года.

Цѣна 30 копѣекъ безъ перепл.

ЕГО

ВЫСОКОРОДІЮ,

БОРИСУ ПЕТРОВИЧУ

ОСТРОВСКОМУ,

МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ

Всеусерднѣйшее приношенїе.

ВАШЕ ВЫСОКОРОДІЕ!

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!

Чувствуя великія Ваши благодѣянія, оказанныя во всю мою жизнь у Вашего Высокородія, щастливымъ себя почитаю, что могъ удостоиться какъ я, такъ и всѣ предки мои, пользоваться Вашими отеческими щедротами. А притомъ представляя всѣ Ваши заслуги къ отечеству и всякому безпомощному покровительство, все меня оное одобряетъ приписать сей маловажной мой трудъ великой Особѣ Вашей, по

тому

тому болѣе, что оной украшается Вашимъ достойнымъ именемъ.

Ваше благосклонное принятїе питаетъ меня щастливѣйшею надеждою, что могу во всю мою жизнь называться

ВАШЕГО ВЫСОКОРОДІЯ
МИЛОСТИВАГО ГОСУДАРЯ

Вашъ преданнѣйшїй слуга
Онофрїй Филиповъ.

Влюбившійся Римлянинъ,

или

щастливая жизнь друзей.

Одинъ знатной Римлянинъ, Публій Квинтъ Фульвій, имѣлъ у себя сына и дочь, которые за ихъ добродѣтель и честные нравы всѣми любимы были. Титъ, сынъ его, и Фульвія, дочь, едва только начали приходить въ смыслъ, какъ уже въ нихъ все то, что природа наипріятнѣйшаго имѣетъ, красота и благонравіе видимо было. Фульвія, будучи воспи-

шана добродѣтельною матерію, такъ какъ Римлянка, приносила отцу своему утѣшеніе; и Титъ часто подавалъ ему причину благодарить Небо за дарованіе толь добродѣтельныхъ дѣтей. Отецъ, желая видѣть совершеннымъ своего сына и въ отечествѣ своемъ почитаемымъ, послалъ его въ Аѳины учиться къ славному и знаменитому Философу Аристиппу. Но зная, что Титъ по младости своей самъ собою управлять не можетъ, препоручилъ его Кремесу, добродѣтельному и чести достойному Греку, съ которымъ П. К. Фульвій будучи въ Греціи, тѣсную имѣлъ дружбу. При отъѣздѣ Тита Фульвій, приказалъ ему Кретеса равно, какъ и отца почитать, и съ дѣтьми его, какъ съ братьями, жить въ согласіи. Молодой Римлянинъ иного ничего

чего не зналъ, кромѣ одного повиновенія. И такъ по приказанію своего родителя отправился въ Аѳины съ тѣмъ, чтобы наиприлѣжнѣйше исполнить родительское приказаніе. Премудрой же Грекъ Тита принялъ весьма благосклонно и ласково.

Никакая дружба скорѣе и постояннѣе не была, какъ та, каковую при первомъ свиданіи Гезиппъ и Титъ въ сердцахъ своихъ поселили. Гезиппъ удивлялся молодому Римлянину, и думалъ, что Греція не имѣетъ въ красотѣ ему подобнаго; а Титъ воображалъ себѣ, что Римъ таковаго не имѣетъ, которой бы съ Гезиппомъ какъ въ красотѣ душевной, такъ и тѣлесной могъ сравнятся. Такое благородное другъ о другѣ разсужденіе вскорѣ произвело совершенную дружбу. — Они другъ другу

удивлялись, другъ друга взаимно обнимали и одинъ другому вѣчнымъ дружествомъ обязались.

Кремесъ былъ при томъ первомъ ихъ свиданіи; и хотя П. К. Фульвій былъ въ отсутствіи, однако Кремесъ къ нему чувствовалъ сильную любовь и весьма тому радовался, что Титовы и Гезипповы движенія сходствовали съ его.

Онъ объявилъ имъ свое въ томъ удовольствіе, и увѣрилъ ихъ, что никогда не разорветъ сего тѣснаго союза, нѣжными сердцами связаннаго. Съ того самаго времени они всегда были вмѣстѣ, и одинъ безъ другаго ничего дѣлать не предпринимали. Они, по пріѣздѣ своемъ въ Аѳины, отданы были для обученія Философіи Аристиппу. Молодые друзья, видя сіе,

серде-

сердечно тому радовались, что отъ одного прекраснаго древа будутъ вкушать пріятные плоды. И симъ молодымъ людямъ весь городъ Аѳины довольно удивлялся.

Они преимуществовали во всѣхъ наукахъ, а особливо въ Философіи, за что ихъ много любилъ Аристиппъ. — Но къ великому сихъ младыхъ людей сожалѣнію Грекъ Кремесъ, отецъ Гезипповъ, безвременно скончался. Богатство, которое онъ сыну своему оставилъ, долго не могло его утѣшить отъ печали и слезъ, которыя Гезиппъ проливалъ по своемъ родителѣ. Одно только почтеніе къ Титу принудило его уменьшить свою печаль.

Аристиппъ былъ вдовъ и никого не имѣлъ, кромѣ одной дочери, ко-

торая по достоинству могла назваться собраніемъ всѣхъ небесныхъ дарованій. Ея красота была несказанная и достойная удивленія; разумъ имѣла она превосходной и проницательной. Отецъ, видя въ ней такія достоинства отъ самыхъ младыхъ лѣтъ, усердно старался наставить ее въ наукахъ, а особливо въ божественной Философіи, въ которой она, будучи семнатцати лѣтъ, такъ была совершенна и искусна, что почиталась за чудо ученія и добродѣтели. Сія премудрая дѣвица называлась Софронія, и жила въ прекрасной деревнѣ въ нѣсколькомъ разстояніи отъ Аѳинъ, куда премудрый Аристиппъ ѣздилъ для отдохновенія отъ трудовъ своихъ, и въ томъ спокойномъ и пріятномъ мѣстѣ утѣшался добродѣтелями своея

любезныя дочери, которая однимЪ своимЪ взоромЪ и пріятностію всѣхЪ сердца побѣждать могла и надЪ ними владычествовать.

Софронія была прекрасна, добродѣтельна, учена, разумна, обходительна, дружелюбна, униженна и негорделива. Она отЪ любви кЪ наукамЪ невинное деревенское житіе предпочитала градскому безпокойству, и никогда почти вЪ Аѳины не ѣздила, развѣ во время приношенія жертвЪ и другихЪ необходимыхЪ случаевЪ, которыхЪ ей оставить никакЪ было не возможно. Но АристиппЪ не препятствовалЪ ей вЪ невинныхЪ увеселеніяхЪ; и для того познакомилЪ онЪ ее сЪ знатнѣйшими госпожами, которыя Софронію часто удостоивали своимЪ посѣщеніемЪ; а иногда привозили сЪ собою вЪ домЪ Софроніи нѣ-

которыхъ ученыхъ Грековъ, которые не стыдились съ сею благоразумною дѣвицею имѣть обхожденіе. Многіе молодые Аѳинскіе и Греческіе дворяне желали сію благоразумную дѣвицу имѣть своею супругою; но всѣ въ своихъ предпріятіяхъ остались безуспѣшны.

Въ такомъ состояніи сіе находилось, какъ Титъ пріѣхалъ въ Аѳины. Онъ съ Гезиппомъ находился въ одномъ училищѣ; ихъ прилѣжаніе и успѣхи въ наукахъ часто подавали случай Аристиппу говорить объ нихъ съ своею дочерью. Удивительное сихъ двоихъ друзей согласіе произвело въ ней объ нихъ весьма хорошее мнѣніе; ибо она разсуждала, что при такомъ основательномъ дружелюбіи всѣ пороки ими бываютъ презираемы и совсѣмъ имъ не свойственны.

ны. Таковые добродѣтельные поступки и похвальное свойство нравовъ возбудили въ Софроніи такое любопытство, которое она скоро принужденною нашла себя отцу своему объявить, и ихъ видѣть желала съ удовольствіемъ.

Сею прозьбою обрадованный Аристиппъ уповалъ, что Гезиппа сердце прекрасныя совершенно преодолѣетъ; принялъ намѣреніе ему о семъ посѣщеніи открыть, но за приключившеюся смертію Кремеса не могъ своего намѣренія произвести въ дѣйство. Но какъ скоро то время, которое должно было употребить для печальнаго случая, прошло, и онъ примѣтилъ, что печаль Гезиппова и Титова въ горесть обратилась; то онъ разсудилъ, что пріятная компанія лучшимъ способомъ есть къ ихъ

утѣшенію. И потому Аристиппъ открылъ одному Гезиппу, что Софроніи весьма пріятно будетъ ихъ посѣщеніе.

Молодой Грекъ довольно слышалъ гремящую славу о сей премудрой дѣвицѣ, и его сердце внутреннее чувствовало къ ней почтеніе. Гезиппъ никакого не могъ имѣть удовольствія въ своихъ пріятностяхъ, ежели онъ онаго не сдѣлаетъ соучастникомъ и Тита; и потому просилъ онъ Аристиппа, чтобы и Тита удостоить того посѣщенія. Премудрый Аристиппъ охотно на то согласился, ибо онъ и безъ его прошенія намѣренъ былъ сіе сдѣлать; но молодаго Грека сперва просилъ для предпочтенія къ своему отечеству. Особливое почтеніе, которое онъ чувствовалъ къ Титу, не позволяло ему при такомъ случаѣ отлучить

его отъ Гезиппа; потому что онъ изъ того себѣ славу получить надѣялся, чтобъ глазамъ Римлянина показать такую дѣвицу, которая сравниться могла съ Римскими красотами, или еще и превзойти оныхъ. Онъ увѣрилъ Гезиппа, что Софронія обоихъ ихъ видѣть чрезмѣрно желаетъ, и на слѣдующій день приказалъ готовиться къ отъѣзду. Гезиппъ былъ проворенъ, горячь, честолюбивъ, непремѣненъ въ своихъ намѣреніяхъ, а въ предпріятіяхъ неосторожень и скоръ. Онъ пошелъ увѣдомить Тита о такомъ пріятномъ случаѣ, отъ котораго онъ пріятными питался воображеніями. Онъ увидѣлъ Тита одного, гуляющаго въ саду, и съ веселымъ видомъ приближился къ нему. Молодой Римлянинъ, увидя его въ такомъ восторгѣ, сказалъ:

что ты, любезный Гезиппъ за пріятную мнѣ приносишь вѣдомость? Вѣдай, мой любезный Титъ, что Аристиппъ сегодня особливой знакъ своего почтенія къ намъ дѣлаетъ, за что мы ему довольно возблагодарить не можемъ. Мы, любезный Титъ, увидимъ удивленіе Греческой земли; увидимъ ту дѣвицу, которая при неописанной своей красотѣ преученнѣйшая и разумнѣйшая дѣвица. Какъ скоро Гезиппъ увѣдомилъ о семъ своего друга; то Титъ великое почувствовалъ въ сердцѣ своемъ безпокойство и ни одного слова на сіе не отвѣтствовалъ. Какъ! говорилъ Гезиппъ, ты мнѣ ничего не отвѣтствуешь! развѣ ты презираешь Софронію? или тебя Философія научила удаляться тѣхъ, которыхъ ты не знаешь? Нѣтъ, отвѣчалъ Титъ, я не знаю, чтобъ хорошая и уче-

ученая дѣвица была столь удивительная вещь, каковою ты ее почитаешь. Привычка, можетъ быть такихъ всякой день въ Римѣ видѣть производитъ во мнѣ почитать сiе за маловажное дѣло, а не за рѣдкость; и ты много мнѣ, любезный другъ, чести сдѣлаешь, естьли здѣсь меня оставишь. Какъ бы то ни было, сказалъ Гезиппъ, только прошу тебя посѣтить со мною Аристиппову дочь. Я Аристиппу обѣщался тебя съ собою привесть, и не могу моего обѣщанiя, такому знаменитому человѣку даннаго, не исполнить. Я думаю, что и П. К. Фульвiй тебѣ не проститъ того, чтобы ты не могъ въ семъ удовольствовать желанiя Аристиппова.

Титъ принужденнымъ нашелъ себя склониться на прошенiе Гезиппово;

тово; однакожъ безпокойство его тѣмъ не уменьшилось, ибо онъ весь тотъ день препроводилъ въ задумчивости, и ночь ему не что иное представляла, какъ смущеніе и безпокойство: и какъ онъ былъ весьма разуменъ, то старался преодолѣть всѣ будущія въ мысляхъ своихъ представленія, и слабости почиталъ Римлянину неприличными. И въ таковомъ размышленіи засталъ ево Гезиппъ; онъ объявилъ ему, что время уже отправляться къ Аристиппу. Титъ съ притворнымъ удовольствіемъ чрезмѣрное употребилъ стараніе съ своемъ уборѣ и притворно оказывалъ желаніе понравиться Софроніи. Потомъ пошли оба къ Аристиппу, гдѣ были они весьма благосклонно и ласково приняты. Я многихъ къ ревности подвигну, сказалъ имъ Аристиппъ, и не знаю, какъ оправ-

оправдаться можетъ Софронія за учиненное вамъ предъ многими молодыми Аѳинейскими дворянами преимущество. Гезиппъ и Титъ на сію учтивую рѣчь отвѣтствовали съ обыкновенною учтивостію, и вскорѣ отправились всѣ трое къ Софроніину уединенію. Сія прекрасная дѣвица, вѣдая за день объ ихъ пріѣздѣ, все изготовила къ ихъ принятію. Гезиппъ казался очень веселъ, и Титъ принужденно таковымъ притвориться желалъ. — Какъ скоро достигли Софроніина уединенія то изрядное того дома строеніе подавало первой случай къ веселію обоихъ друзей, и они старалися одинъ передъ другимъ какъ по причинѣ положенія мѣста, такъ и по причинѣ пріятности онаго, достойную приписать похвалу Аристиппу. Гезиппъ и Титъ еще не

не окончали своихъ дѣйствій, какъ прекрасная Софронія встрѣтила своего родителя, и съ великою пріятностію явилась предъ сими молодыми людьми. Они, увидя Софронію, разговоръ свой пресекли, и увидя такія пріятности недвижимы стали отъ удивленія.

Аристиппъ по многихъ разговорахъ объявилъ свое желаніе Гезиппу, что онъ намѣренъ имѣть его своимъ зятемъ. Молодой Грекъ, котораго любовь преодолѣла, чувствительно далъ знать о своей склонности. Коль великую радость сія склонность Гезиппова произвела въ сердцѣ философа, толь сильное напротивъ отчаяніе и смущеніе въ сердцѣ Тита. Ибо Софронія и его, также какъ и Гезиппа, плѣнила. Онъ отъ рожденія своего никакой страсти такъ сильно не

чув-

чувствовалъ, какъ ту, которая вкоренилась въ немъ при первомъ свиданiй съ Софронiею. Пламень принудилъ его чувствовать все то въ одну минуту, что любителю чрезъ долгое время приключается. Страхъ и ревность обладали его сердцемъ; и хотя Гезиппъ явно ему открылся, однако Титъ его почиталъ себѣ за противника. *Сiя страсть* повергла Тита въ глубокую печаль, однакожъ никто не могъ примѣтить его въ сей страсти. Софронiя не знала того, что посѣщенiе отца ея было вымышлено, какъ сѣть для уловленiя ея вольности. Примѣтивъ она, что онъ Грека отечески принимаетъ, старалася угостить Гезиппа безъ другаго какого намѣренiя, какъ только, чтобы угодить своему родителю. Ея поступокъ всякую минуту

умножалъ въ Гезиппѣ любовь, а въ Титѣ ненависть и отчаяніе.

Потомъ Аристиппъ отвелъ ихъ въ пребогатоубранной залъ, и началъ задавать высочайшіе и труднѣйшіе Софроніи вопросы, чтобы чрезъ то показать остроту ея разума. При семъ случаѣ понятное Софроніи разсужденіе, глубокое ученіе и пріятность краснорѣчія ясно оказала остроту. Равномѣрно и ее привели въ удивленіе ихъ мудрые отвѣты, ихъ проницаніе въ постиженіи разныхъ мнѣній, ихъ почтеніе, которое они въ спорахъ другъ другу оказывали, ни мало не преступая предѣловъ учтивости; ихъ кротость въ самомъ пылкомъ спорѣ представляла ей въ нихъ людей достойныхъ всякаго почитанія; умѣренность ихъ во всемъ удерживала ее сдѣлать какую нибудь

раз-

разность между ими. Ея сердце было ни . . . . ибо они были оба любви достойны, учены, добродѣтельны и разумны; почему она обоимъ равную похвалу приписывала. Правда, что постоянная пріятность и склонность разума Титова, будучи съ ея обычаемъ сходственна, ей бы пріятнѣйшимъ была, ежели бы ей выбирать; но понеже она не думала, чтобы дѣло касалося до выбора, и потому она къ обоимъ была ласкова, пріятна и благосклонна.

Хотя оба друзья чувствовали къ ней сильную любовь; однако влюбившійся Римлянинъ ясно примѣтилъ страсть своего друга, и негодовалъ внутренно на то, что Аристиппъ дѣлалъ преимущество Аѳинейскому мѣщанину предъ Римскимъ кавалеромъ. Съ сей минуты положилъ Титъ

 на

на себя молчаніе съ твердымъ намѣреніемъ, прежде умереть, нежели Гезиппу возпрепятствовать въ любви. Молодой же Грекъ съ своей стороны былъ такого мнѣнія, что Титъ конечно женится на Римлянкѣ, и ни съ кѣмъ въ супружество не вступитъ безъ родительскаго на то позволенія. Приближившійся часъ къ отъѣзду Гезиппа много безпокоилъ, а Титъ напротивъ того съ нетерпѣливостію ожидалъ того времени, которое бы оное безпокойство прогнало: и ежели бы его не удержало высокопочитаніе, которое онъ имѣлъ онъ къ Аристиппу, то бы онъ одинъ уѣхалъ въ Аѳины.

По наступленіи ночи Титъ съ Гезиппомъ начали приготовляться къ пути, и просилъ ихъ Аристиппъ, чтобъ они и безъ него, когда имъ

угодно

угодно будетъ, посѣщали Софронію. Какъ скоро Софронія простилась; то оба друзья поѣхали въ Аѳины, и скоро достигли своего дома; но не въ такомъ они уже находились размышленіи, въ какомъ были прежде: Ибо Аристиппъ совершенно не открылся въ своемъ мнѣніи Гезиппу, но хотѣлъ прежде узнать мнѣніе своей дочери.

Любовію упившійся Гезиппъ началъ говорить съ Титомъ о красотѣ Софроніиной. Есть ли въ свѣтѣ, говорилъ Гезиппъ, прекраснѣе Софроніи? Какія пріятности! какіе милые взоры! Я чувствую, что безъ нее жить не могу: тебѣ открываюсь, любезный другъ, что сильная любовь поселилась въ моемъ нѣжномъ сердцѣ, и я принужденъ буду умереть, естьли не буду обладать таковою

красотою. Ты не имѣешь причины умереть, Титъ: Аристиппъ и Софронія имѣютъ больше старанія разсматривать твои заслуги. Титъ сіи слова говорилъ съ такою перемѣною голоса и печальнымъ видомъ, что Гезиппъ въ немъ совершенно примѣтилъ, какъ онъ ни притворялся. Что тебѣ сдѣлалось, вскричалъ Гезиппъ, любезный Титъ, ты мнѣ кажешься весьма печаленъ. Титъ сказалъ: я не очень здоровъ, по чему прошу, оставь меня одного въ покоѣ, я можетъ быть чрезъ сіе могу успокоить свои ослабѣлыя чувства. Гезиппъ вспомнилъ, что Титъ весь день былъ печаленъ, и обнявши его сказалъ: любезный Титъ, я не могу совершенно быть щастливъ, ежели дружба одного съ любовію другаго соединена не будетъ. Возврати любе-

безный другъ чрезъ сонъ свое здравіе, которое мнѣ въ тысячу кратъ пріятнѣе и драгоценнѣе собственной моей жизни. Молодой Римлянинъ на сіе отвѣтствовалъ одними нѣжными вздохами, которыхъ онъ удержать не могъ; и такое молчаніе увѣрило Гезиппа, что Титъ подлинно боленъ. По сихъ разговорахъ оставилъ онъ одного Тита въ покоѣ, а самъ вышелъ вонъ. — Титъ всю ночь размышлялъ о прелестяхъ Софроніи и старался всячески отвратить отъ себя сію нѣжную страсть; вознамѣрился онъ, чтобы никогда не видаться съ Софроніею во уповаціи, что отлученіе скоро утушить можетъ сіе пламя и онъ надѣялся чрезъ сонъ получить успокоеніе своихъ мыслей; но. . . тѣло его пришло въ крайнюю слабость, и вмѣсто пріятнаго сна почувствовалъ онъ жесто-

стокую лихорадку. Гезиппъ спокойно проводилъ ночь, и оставя постелю пошелъ посѣтить друга своего, и пришедши увѣдомился отъ служителя, что онъ весьма боленъ. Таковая печальная вѣдомость столь его чувствительно тронула, что онъ забылъ и Аристиппа и Софронію. Приближился онъ къ Титовой постелѣ въ великомъ смущеніи. Титъ, примѣтя сіе, сказалъ: любезный Гезиппъ! не печалься о мнѣ, ежели хочешь видѣть конецъ моей болѣзни. Одно твое безпокойство и смущеніе можетъ оную пріумножить. Почему вручи себя тому, что тебѣ пріятно; поди къ Софроніи, и оставь мнѣ попеченіе о моемъ здравіи. Ахъ! любезный Титъ, вскричалъ Гезиппъ, моя любовь къ Софроніи не принудитъ меня прекратить къ тебѣ дружбу:

я чувствую, что любовь къ Софроніи, по причинѣ твоей болѣзни, въ сердцѣ моемъ застываетъ; я безъ тебя ничего не могу любить: всѣ увеселенія, радости, гулянія, пріятныя забавы, и словомъ самая любовь во мнѣ угаснетъ, ежели тебя въ совершенномъ здравіи видѣть не буду. Для Тита сіи нѣжныя слова такъ были чувствительны, что онъ отъ печали воздохнулъ, и притомъ выговорилъ: жизнь моя мнѣ не сносна, ежели ты для меня того хочешь лишиться, что можетъ усугубить твое щастіе. И естьли ты, любезный мой другъ! любишь Аристиппову дочь, то поди и вручи ей свое сердце, которое ея весьма достойно; и вѣрь, что не прежде успокоюсь, какъ узнаю, что ты ее почитаешь и взаимно ею любимъ

 бу-

будешь. Гезиппъ повинулся своему другу, оставилъ его въ покоѣ и принужденъ былъ исполнить его прошеніе. А какъ и въ самомъ дѣлѣ былъ онъ сильно влюбленъ въ Софронію, то немедленно пошелъ къ Аристиппу. Онъ услышалъ отъ Аристиппа, что Софронія будетъ въ Аѳины. Сія вѣдомость возбудила въ немъ и радость и удивленіе; ибо онъ чрезъ сіе получилъ надежду стараться какъ о другѣ своемъ, такъ и о удовлетвореніи любви своея. Однакожъ не открылся онъ о семъ Философу, но спросилъ у него, долго ли прекрасная Софронія будетъ въ Аѳинахъ, и какія причины побудили ее оставить уединеніе. Я хочу, сказалъ Аристиппъ, чтобы она всегда жила въ Аѳинахъ и была участницею здѣшнихъ веселостей. Гезиппъ не пре-

минулъ хвалить его намѣренія, и многія предлагалъ доказательства о пользѣ городской жизни. Прозорливой Аристиппъ, узнавъ сему причину, сказалъ ему печальнымъ лицемъ, дабы узнать въ тонкость своего ученика: я до сего времени страхъ имѣлъ отъ учениковъ дочь свою держать въ домѣ, и для того принужденъ былъ приказать ей жить внѣ Аѳинъ, а нынѣ способъ нашелъ всѣхъ удоволствовать; ибо я въ публичныхъ только училищахъ учениковъ буду обучать, а въ своемъ домѣ никого. Отъ сихъ словъ Гезиппъ перемѣнился въ лицѣ, и не могши удержать первыхъ своихъ движеній, вскричалъ: я уже не буду больше видѣть любви достойнѣйшую Софронію! Аристиппъ съ веселымъ и пріятнымъ видомъ сказалъ ему: Гезиппъ!

мудрость тебя еще не научила преодолѣвать свои страсти, угашать желанія, и править свою жизнь? Нѣтъ, государь мой! мудрость все сіе во мнѣ утвердила, но къ моему нещастію не могу укрѣпиться. Ну, сказалъ Философъ, я прикажу тебя Софроніи ощастливить. Сіи слова привели Гезиппа въ совершенное чувство и много за сіе благодарилъ Аристиппа.

Въ сіе время, какъ Гезиппъ ласкалъ себя, Титъ тщетно старался преодолѣть мысленную свою болѣзнь; да и болѣзнь тѣлесная чрезъ опаснѣйшія приключенія часъ отъ часу болѣе пріумножалась.

Премудрая Софронія, пріуготовляясь оставить свое безмолвное деревенское житье, была въ великомъ безпокойствѣ своихъ мыслей. Она

только одну минуту говорила съ своимъ родителемъ, и онъ ей приказалъ на другой день ѣхать въ Аѳины, похваливъ ей Гезипповы похвальныя свойства. А какъ она по отъѣздѣ Аристиппа получила свободу думать, что чрезъ тотъ день сдѣлалось; то думала, что онъ скоро прошелъ, и что тѣ два друга все ея увеселеніе съ собою взяли. Потомъ разсматривала себя, и повторяла въ своей памяти говоренныя Аристиппомъ о Гезиппѣ слова; и наконецъ остановилась она своею мыслію у Тита: она находила въ немъ такія же свойства и тѣ же пріятности; и какъ хотѣла отвратить отъ него свои мысли, то уже ей было не безъ труда. Она тщетно старалась думать о Гезиппѣ: одинъ Титъ присутствовалъ въ

ея мысляхъ. Она противъ своего желанія красоту Римлянина сравнивая съ красотою молодаго Грека, нашла между ими такую разность, которая ее принуждала склониться на сторону Римлянина. Напослѣдокъ представляла она себѣ, что ей все можетъ быть равно, котораго бы изъ обоихъ себѣ въ супружество ни получить, и что ей обхожденіе съ однимъ или другимъ равное обѣщаетъ щастіе; понеже они другъ друга взаимно любили и жили въ тѣсномъ союзѣ; и ежели Титъ отъ отца моего избранъ обладателемъ моего сердца, пусть онъ будетъ любезнѣйшій въ глазахъ моихъ; а естьли я судьбою опредѣлена Гезиппу, то онъ можетъ взять предъ Титомъ преимущество. Сіето было послѣднее намѣреніе,

которое приняла сія разумная и прекрасная дѣвица , и оно провождало ее до самыхъ Аѳинъ , куда она пріѣхала въ вечеру того дня , въ которой Гезиппъ открылъ тайности своего сердца Аристиппу. Молодой Грекъ, оставя отца Софроніина, побѣжалъ къ Титу узнать о его состояніи, и открыть ему новыя причины своея надежды.

Римлянинъ находился одинъ въ покоѣ своемъ; болѣзнь его нѣсколько уменьшилась, но овладѣла имъ смертельная печаль. Гезиппъ вошедши засталъ Тита сидящаго на стулѣ съ заплаканными глазами. Сей взоръ поразилъ Гезиппа и привелъ его въ жалость и отчаяніе. Онъ просилъ Тита , чтобы открылъ онъ ему о своемъ нещастіи. Титъ долгое время отговаривался и не хо-

тѣлъ сказать причины; наконецъ объявилъ, что книжка, которую онъ читалъ о нѣкоторыхъ приключеніяхъ молодаго человѣка, причиною таковаго случая. — Гезиппъ примѣтилъ хитрость Титову, и просилъ его объ объявленіи самой истинной причины; однако не могъ получить желаемаго. Между тѣмъ Гезиппъ увѣдомилъ Тита, что Софронія будетъ скоро въ Аѳины. Титъ столько не имѣлъ силы, чтобы могъ сокрыть сію печаль; но . . . . и сердечно того хотѣлъ Гезиппу, чего онъ ни желаетъ получить. — Влюбившійся Грекъ весьма былъ о семъ веселъ; и говоря о красотѣ Софроніиной, о чести и щастіи отъ нее быть любиму, не примѣтилъ того, что онъ въ Титовомъ сердцѣ всякимъ словомъ новую производилъ рану. Удивительно,

но, что у сихъ друзей въ одинъ день сильно вкоренилась любовь; но престанемъ удивляться, естьли представимъ не преодолимую силу красоты, соединенной съ разумомъ.

При такомъ печальномъ случаѣ не могла его добродѣтель научить иное что предпринять, какъ одно молчаніе и удаленіе отъ Софроніина присутствія. Но какъ онъ узналъ, что сія прекрасная дѣвица будетъ жить съ нимъ въ одномъ городѣ, и онъ ее всякой день видѣть будетъ или у Аристиппа, или въ капищѣ, и что онъ напослѣдокъ своего утвержденія опасность имѣетъ въ самомъ дѣлѣ видѣть въ благополучіи своего противника. Сіи послѣднія мысли такъ его обезпокоили, что онъ во всю ночь не могъ имѣть покоя; и хотя его дружба къ Гезиппу была

вѣрна, однако любовь и отчаяніе имѣли больше силы въ его сердцѣ.

При такомъ горестномъ состояніи не нашелъ Титъ другаго способа къ окончанію сего печальнаго случая, какъ уѣхать назадъ въ Римъ, Аристиппа, Софронію и Гезиппа оставить. Принялъ онъ намѣреніе писать къ родителю своему, что Аѳинскій воздухъ принуждаетъ его возвратиться въ Римъ; и сія выдумка нѣсколько успокоила его блудящія мысли. Онъ вознамѣрился на другой день, не взирая на препятствіе, что любовь и дружба противу него сдѣлали, то исполнить. Гезиппъ ни о чемъ болѣе не помышлялъ и не безпокоился, какъ чтобы получить прекрасную Софронію себѣ въ супружество.

Аристиппъ въ тотъ же день Софроніина пріѣзда взялъ ее къ себѣ въ

особли-

особливой покой, и глядя на нее прiятнымЪ видомЪ, началЪ говорить слѣдующее: Любезная Софронiя! я признаю тебя за добродѣтельную и разумную дѣвицу, и для того не опасаюсь сЪ тобою откровенно говорить. Щастiе, моя любезная дочь! продолжалЪ онЪ, когда по заслугамЪ не бываетЪ, чтобы я могЪ тебѣ сыскать достойнаго супруга. До сего времени твоя мудрость вЪ томЪ меня утѣшала, что я отецЪ такой дочери, которая .... Я думаю, что не противенЪ тебѣ ГезиппЪ, котораго я удостоиваю быть твоимЪ супругомЪ. ОнЪ молодЪ, разуменЪ, добродѣтеленЪ и любви достоинЪ. Я ласкаю себя, что ты не будешь противиться сему союзу. Премудрая Софронiя не долго колебалась, и обнадѣжила своего родителя, что

она

она съ охотою повинуется его воли. Знакомство мое съ Гезиппомъ, отвѣчала она, только два дни; но когда вы его признаете того достойнымъ, чтобъ ему быть моимъ супругомъ, то мнѣ сіи два дни довольно пріятны, и я всегда послушна вашему желанію и намѣренію: я буду любить Гезиппа, когда онъ любви достоинъ.

Таковой постоянной и добродѣтельной отвѣтъ Софроніи въ великое привелъ удивленіе Аристиппа. Онъ обнялъ свою дочь и обнадѣживалъ ее, что онъ никогда не намѣренъ бы былъ сдѣлать такое соединеніе, когда бы не желалъ ее видѣть въ щасшіи. Притомъ просилъ онъ, чтобы оказывала она склонность и Титу; потому что никогда еще такой тѣсной дружбы ни съ кѣмъ не быва-

бывало; почему люби его какъ брата. Сїи слова встревожили въ Софронїи кровь; ибо онъ ей напомнилъ о такомъ лицѣ, которое она изъ своей памяти до смерти истребить не хотѣла. Она на сїе не такъ скоро отвѣтствовала, какъ на первое, опасаясь Тита любить, и что можетъ его больше любить, нежели какъ надлежитъ. Однако наконецъ обѣщалась всѣ приказанїя отца своего исполнить. Аристиппъ, много обрадованный добродѣтелїю своея дочери, съ нетерпѣливостїю ожидалъ къ себѣ Гезиппа. Гезиппъ, пришедшїй къ Титу, началъ его просить съ собою къ Аристиппу; влюбившїйся Римлянинъ, которой тѣлесную и мысленную болѣзнь скрывая, чтобы друга своего не опечалить, отговаривался отъ сего, и просилъ

его

его отъ того уволить. Гезиппъ принужденъ былъ оставить и пошелъ одинъ къ Аристиппу. Философъ принялъ ево благосклонно и повелъ его въ покой къ Софронїи.

Сїя прекрасная при семъ свиданїи не могла запретить въ лицѣ своемъ быть краскѣ, которая изъ внутренняго ея сердца выходила, и пришла въ несказанное изумленїе. Гезиппъ ей понравился, а Тита уже болѣе не имѣла въ своихъ мысляхъ. Она, разговаривая съ Гезиппомъ, глазами своими искала того Римлянина, котораго желаетъ ея сердце. Между тѣмъ была она очень осторожна, и въ поступкахъ своихъ оказывала себя ни строгою ни очень ласковою. Аристиппово желанїе было, чтобы она симъ молодымъ Грекомъ совершенно обладала,

и для того оставилъ ихъ однихъ подъ видомъ нѣкоторыхъ необходимыхъ нуждъ, дабы они чрезъ сїе больше свободы къ тому имѣли. Софронїя всегда имѣла при себѣ добродѣтельную женщину, которая ее и воспитала; того для Аристиппъ не дѣлалъ себѣ принужденїя къ тѣмъ, которые въ домѣ его довольно угощены быть имѣли.

Гезиппъ былъ чрезмѣрно радъ, что симъ удобнымъ случаемъ могъ пользоваться, и сїе второе свиданїе совершенную возбудило въ его сердцѣ страсть. Глаза говорили и провожалъ онъ ея слова всѣмъ тѣмъ, что почтенїе оказать дозволяло, и тѣмъ самимъ оказывалъ полное надъ собою Софронїино обладанїе. Она казалась при семъ ни весьма влюбленною, ни упорною, и давала

чрезъ свои поступки знать, что одна Аристиппова воля ея серцемъ повелѣваетъ. Гезиппъ былъ радъ, что видѣлъ ее отъ другихъ любителей свободну; принялъ намѣренїе съ Аристиппомъ того же дня говорить о Софронїи; но Гезиппъ, не могши его скоро дождаться, возвратился къ своему Титу.

Но какъ скоро онъ пришелъ въ домъ и нигдѣ не нашелъ Тита, но увѣдомился отъ служителя, что Титъ пошелъ гулять на берегъ морской; то и онъ къ нему не медленно пошелъ.

Влюбившїйся Римлянинъ повсюду былъ обуреваемъ волнующимися бурями своихъ мыслей. Онъ не зналъ, что ему начать и что ему дѣлать должно. Продолжалъ онъ путь свой къ морю, разсуждалъ о своемъ не-

щастїи, и пришелъ въ великое изумленїе отъ мыслей; но стукъ такой кареты, которая отъ крылатыхъ коней была тянута, разогналъ его великое смятенїе мыслей. Желанїе, котораго онъ преодолѣть не могъ, принудило его окинуть глазами всѣхъ сидящихъ въ оной каретѣ. Онъ крайнее почувствовалъ волненїе во внутренности своей, какъ увидѣлъ въ той каретѣ между прочими госпожами сидящую Софронїю, которой красоту почелъ онъ превосходнѣе самаго солнца, и стрѣлы сильнаго Купидона пронзили томное его сердце.

Онъ намѣревался прежде скрыться отъ взоровъ Софронии; но любовь была сильнѣе добродѣтели, и его отъ себя не . . . . . Между тѣмъ карета остановилась и всѣ изъ нее

вышли; въ сіе самое время оставилъ онъ всѣ свои предпріятыя намѣренія и подошелъ къ каретѣ, подалъ руку свою Софроніи и уже не отходилъ отъ нее ни . . . . Вбиралъ онъ мало помалу въ себя пріятной ядъ, которой вкоренился въ сердцѣ его чрезъ глаза. Онъ у всѣхъ былъ въ великомъ почтеніи; его присутствіе умножало во всѣхъ веселіе и удовольствіе. Молодыя госпожи съ пріятною шуткою издѣвались надъ его уединеніемъ, въ которомъ онѣ его застали. Титъ, имѣя видъ прелестной, на всѣ ихъ издѣвки отвѣчалъ съ учтивостію.

Изумившаяся Софронія не знала; говорить ли ей, или молчать въ такомъ случаѣ радоваться или безпокоиться. Таковое же смятеніе объяло прежде и Тита, когда онъ еще въ первый разъ съ нею увидѣл-

ся. — Софронія блѣднѣла и краснѣла, и была безмолвна. Влюбившійся Титъ, сіе примѣтя, заключилъ, что причиною сего неудовольствія отсутствіе Гезиппово; то вознамѣрился онъ начать разговоръ о Гезиппѣ. Государыня моя! ежелибъ Гезиппъ зналъ, что вы посѣтите сіе мѣсто; то бы никакъ не оставилъ безъ посѣщенія сіе для него наипрекрасное мѣсто. Хотя онъ мнѣ и искренній другъ; однако я въ томъ не сомнѣваюсь, чтобы онъ не позавидовалъ тому моему щастію, которымъ я въ отсутствіи его наслаждаюсь. Титъ сіи слова произнесъ съ такимъ жаромъ, что примѣтилъ Софронію, пришедшую въ сердечное движеніе: да и совершенно она такою сдѣлалась, потому что почитала себя обиженною отъ Тита не зная за что. Я съ

 моей

моей стороны, государь мой! говорила Софронія, всегда вижу Гезиппа, когда присутствую съ Титомъ, и никогда напротивъ не вижу Гезиппа, когда не бываю съ Титомъ. Ахъ, прекрасная! вскричалъ любовію уловленной Титъ, смотрите всегда на Гезиппа, и увеселяйтесь имъ однимъ. — Какъ скоро онъ выговорилъ сіи слова, то увидѣлъ въ лицѣ Софроніи смѣшеніе, котораго она скрыть никакъ не могла. Титъ замолчалъ и привелъ мысли свои въ великое замѣшательство; въ подобномъ безпокойствѣ находилась и Софронія. Она старалась изыскать способъ прекратить сей разговоръ; и по щастію ихъ обоихъ всѣ госпожи вмѣстѣ собрались, и начались у нихъ общіе разговоры. Титъ, отъ чрезвычайной любви находясь въ великомъ безпокойствѣ, пришелъ

шелъ въ задумчивость, и никакого не чувствовалъ удовольствія во увеселеніяхъ. Софронія прежде его очувствовалась, не давала знать, что она его слова разумѣла и . . . . .
Въ семъ перемѣнномъ состояніи увидѣли они идущаго къ нимъ Гезиппа, которой неописанную чувствовалъ радость, что щастіе его допустило въ такомъ мѣстѣ видѣть то, что онъ почиталъ за пріятное и любезное въ свѣтѣ. Онъ приближился къ Софроніи и Титу; и какъ нашелъ Софронію нѣсколько печальну, то обладало имъ нѣкоторое тайное безпокойство. Хотя ему весьма пріятно было Софроніино присутствіе; однакожъ желалъ онъ съ Титомъ быть на единѣ, и узнать о томъ, что его много безпокоитъ.

Гезиппъ не долго былъ въ такомъ безпокойствѣ; ибо Софронія скоро сѣла въ свою карету, и съ ними разсталась, и Гезиппъ съ Титомъ своею коляскою послѣдовалъ за нею. Какъ скоро оба друзья остались одни, то Гезиппъ, глядя на Тита, сказалъ: Софронія показалась очень печальна; разговаривалъ ли ты съ нею, любезный Титъ, и говорила ли она обо мнѣ? и ты меня много одолжишь, естьли о семъ увѣдомишь. Аристиппова дочь, отвѣчалъ Титъ, такова пріѣхала, какова и отъѣхала. Я очень мало съ нею говорилъ, а хотя что и говорилъ, но все разговоръ былъ о тебѣ. Титъ сіе съ такою живностію говорилъ, что Гезиппъ не имѣлъ причины сомнѣваться, и Тита подозрѣвать. Гезиппъ, прекратя сей разговоръ, началъ о томъ,

что

что онъ намѣренъ совершенно женишься вскорѣ на Софроніи, при чемъ дѣлалъ онъ описаніе тѣхъ пріятностей, которыя ему обѣщаетъ сіе изрядное бракосочетаніе. — По пріѣздѣ въ свой домъ оставили они другъ друга. Обнадѣженный Гезиппъ проводилъ ночь въ великомъ восхищеніи, а Титъ напротивъ того въ крайнемъ смущеніи, въ которомъ его засталъ и пришедшій день. Наконецъ принялъ онъ намѣреніе ѣхать въ Римъ, а Грецію оставить. Онъ взялъ перо и писалъ къ Фульвію письмо. Въ то самое время Гезиппъ, будучи обнадѣженъ Аристиппомъ о пріуготовленіи къ сочетанію съ Софроніею, пришелъ Тита увѣдомить о своей радости, и взошелъ въ покои, когда уже Титъ окончалъ свое письмо, но еще не успѣлъ его запечатать.

тать. Гезиппъ, обнявшій Тита, говорилъ: любезный другъ! прими участіе въ моемъ благополучіи; Аристиппъ обѣщалъ мнѣ свою дочь, и я чрезъ три дни буду обладателемъ ея нѣжныя красоты до самыя смерти, которая можетъ меня разлучить съ нею. Титъ чрезъ сіе увѣдомленіе пришелъ въ движеніе, которому онъ такъ скоро быть не думалъ, и вскричалъ странно: Гезиппъ отнимаетъ жизнь! И съ сими словами упалъ безъ всякаго чувства на свою постелю.

Гезиппъ всѣ силы употребилъ на то, чтобъ привесть Тита въ чувство, и посредствомъ Докторовъ чрезъ пять часовъ привелъ его въ память. Гезиппъ совершенно узналъ, что Титъ ему не доброжелательствуетъ, и что онъ зараженъ тѣмъ же ядомъ, какимъ и Гезиппъ.

Всѣ домашніе были въ смятеніи; печальные служители, равномѣрно какъ и господинъ ихъ, не утѣшно плакали. Титъ одержимъ былъ горячкою, а Гезиппъ не утѣшно плакалъ. Доктора наконецъ увѣдомили Гезиппа, что здравіе Титово сомнительно; и ежели никто не возмется прогнать его печаль, то онъ скоро можетъ прекратить свою жизнь. Гезиппъ между тѣмъ развернулъ Титово письмо, писанное къ Фульвію; но самое начало письма привело Гезиппа въ страхъ и ужасъ.

ПИСЬМО.

„ Я хочу умереть, писалъ отчаянный любовникъ, чтобы моя „жизнь для любви къ одной дѣвицѣ „пріятна была, которая меня принудила ненавидѣть Гезиппа. Ахъ! „немилостивая Софронія! не надѣйся,

„ чтобы я пересталъ любить Гезип-
„ па; я хочу умереть или удалить-
„ ся отъ сего мѣста: для меня все
„ равно. „

Далѣе увидѣлъ Гезиппъ одно особливое письмо, которое Титъ безъ сомнѣнія подъ сею надписью для отсылки изготовить въ намѣреніи былъ.

Квинту Публію Фульвію
Титъ здравія желаетъ.

„ Важныя причины, милостивый
„ государь! принуждаютъ меня тре-
„ бовать вашего родительскаго по-
„ зволенія для возвращенія мнѣ въ
„ Римѣ. Страхъ, препятствовать
„ дружбѣ Гезипповой, (ежели я его
„ до опредѣленнаго къ отъѣзду мо-
„ ему времени оставлю, и той
„ причины открыть ему не могу,)
„ велитъ мнѣ всепокорнѣйше васъ,

„ моего

„ моего родителя, проситъ, чтобы
„ вы въ письмѣ своемъ ко мнѣ вклю-
„ чили необходимую нужду моего
„ къ вамъ изъ Аѳинъ возвращенія. И
„ о семъ васъ для того прошу, есть-
„ ли только вы желаете спасти
„ мою жизнь. „

Великодушный Грекъ, прочитавъ сіи письма Титовы, нѣсколько времени думалъ, какъ бы ему спасти и свое и Титово здравіе, и принялъ намѣреніе самимъ собою при семъ случаѣ жертвовать: онъ почиталъ за безчестіе промѣнять своего друга на женщину, Легко можно найти такихъ людей, которые насъ къ любви склоняютъ; но лишеніе одного вѣрнаго друга никакъ возвратить не можно; и другъ есть такое сокровище, которое все превосходитъ. По

шаковыхЪ разсужденіяхЪ ГезиппЪ пошелЪ вЪ покой кЪ Титу, и увидѣлЪ, что стараніе ДокторовЪ привели Тита вЪ чувство; но горячка такЪ сильно умножилась, что и тѣ, кои кЪ нему приближались, чувствовали отЪ него сильной жарЪ.

ТитЪ узналЪ стоящаго подлѣ постели своей Гезиппа; и какЪ увидѣлЪ лице его, орошенное слезами; то сказалЪ ему: Любезный мой ГезиппЪ! я не заслужилЪ того, чтобы ты о мнѣ столь много печалился. Молодой ГрекЪ, приближившись кЪ нему, говорилЪ: Немилостивой другЪ! тебѣ смерть пріятнѣе Гезиппа! однако скоро узнаешь, что ГезиппЪ Тита почитаетЪ больше своей жизни. И потомЪ, оставя его, пошелЪ кЪ Аристиппу увѣдомить о такомЪ неща-

щастіи, приключившемся съ его другомъ. Онъ такъ перемѣнился, что Философъ, тому удивяся, спросилъ: что съ нимъ приключилось? Титъ умираетъ, отвѣчалъ Гезиппъ, и все я потеряю, естьли я его лишуся. Аристиппъ сію вѣдомость не могъ великодушно снести, и желалъ посѣтить умирающаго Тита. Молодой Римлянинъ весьма испугался, какъ увидѣлъ Аристиппа и Гезиппа, къ нему пришедшихъ. Гезиппъ сіе примѣтилъ; но Аристиппъ, которой никогда не думалъ о томъ, что произходило, не примѣтилъ. Онъ приближился къ нему и изъявлялъ свое сожалѣніе о его болѣзни чувствительнѣйшими словами, Титъ же на всѣ его слова отвѣчалъ тяжкими вздохами.

Между тѣмъ Гезиппъ попросилъ Аристиппа въ особливую комнату; и какъ они въ нее вошли, то Гезиппъ свободно сказалъ Аристиппу: Титъ, милостивый государь, боленъ отъ отчаянія, а любовь его лишаетъ жизни. Любовь! вскричалъ Аристиппъ; которая Римлянка или Гречанка не почла бы за щастіе быть любима Тимомъ? Та, сказалъ Гезиппъ, которую онъ обожаетъ: она Аѳинянка, ея рука отдана другому, Титову другу; и какъ онъ весьма вѣрной другъ, то лучше почитаетъ пріятною смерть, нежели препятствовать своему другу. Сіи слова умножили Аристиппово удивленіе; онъ не много изумился, а потомъ обратясь къ Гезиппу сказалъ: правда ли это, что Софронія причиною Титовой болѣзни, и ему упорствуетъ въ любви? Гезиппъ на

сіе

сіе не отвѣчалъ, а только подалъ Аристиппу больнаго письма, чтобы онъ ихъ прочиталъ. — Гезиппъ не хотѣлъ дать долго время думать, бросился къ ногамъ Аристиппа. Вы видите государь мой, сказалъ ему, что Титова жизнь состоитъ въ вашихъ рукахъ. И такъ прошу васъ, отдайте ему данное мнѣ слово. Я ему всѣмъ симъ жертвую, только бы онъ былъ здоровъ: лишусь ли я любви достойной жены, но удержу искренняго и вѣрнаго друга. Ежели вамъ щастіе подавало во мнѣ достойнаго зятя, то даруетъ вамъ въ тысячу кратъ достойнѣйшаго. Его добросты и красота лица превосходятъ всѣ тѣ дарованія, каковыми меня снабдила природа. Аристиппъ отъ сего пришелъ во изумленіе и напослѣдокъ вскричалъ: о небо! можно

ли найти такую дружбу? Титъ хочетъ умереть, чтобы друга своего не обидѣть; а Гезиппъ отказывается отъ любви, чтобъ Тита избавить отъ смерти. О несравненная дружба! для чего я не имѣю двухъ дочерей? я бы почелъ себя за щастливѣйшаго, что таковое сокровище могъ имѣть въ своемъ домѣ. Великодушной Гезиппъ! умѣрь свою печаль: Софронія при обоихъ васъ можетъ быть щастливою; и ежели ея рука можетъ Тита избавить отъ смерти, безъ причиненія тебѣ всякаго вреда, то обѣщаюсь оную ему вручить и клянусь богами, сіе мое обѣщаніе ненарушимо исполнить.

Сими словами обрадованный Гезиппъ обнялъ Аристипповы колѣна. Потомъ они оба возвратились къ Титу

ту и нашли его столь слаба, что не могли съ нимъ ни слова говорить. Софронія, увѣдомившись о болѣзни Титовой, не такъ была сильна въ закрытіи своея печали, какъ въ молчаніи: она проливала слезы; и ея прекрасные глаза были исполнены слезъ, какъ отецъ ея вошелъ въ покой. Его присутствіе не удержило ее отъ того. Я вижу, сказалъ ей Аристиппъ, то высокопочитаніе, которое ты къ Титу имѣешь. Онъ еще не умеръ, и осталась еще надежда къ его здравію. Можешь ли тому вѣрить, что все стараніе Докторовъ тщетно, и что ты одна можешь его избавить отъ болѣзни? Я? государь, вскричала она. Ты, ты одна, любезная дочь! Сей Римлянинъ не можетъ изцѣлиться отъ другой какой руки, какъ только отъ той,

 кото-

которая его теперь и жизни лишаетъ. Ты причиною его столь жестокой болѣзни, и для того надлежитъ тебѣ возвратить ему здравіе. Я прошу васъ, батюшка! сказала она, открыться мнѣ, естьли вы меня съ Титомъ въ равное состояніе привести не хотите. Аристиппъ все ей подробно обьявилъ, отъ чего Титъ боленъ. Софронія сказала: Я ничего, кромѣ повиновенія и послушанія къ вамъ не имѣю; я перестану думать о Гезиппѣ: ибо вы того желаете; мое сердце, и моя вѣрность пусть будетъ отдана Титу. Притомъ обьявила отцу своему, что Титъ ни мало ей не будетъ противенъ, и Аристиппъ послѣднее сдѣлалъ заключеніе, чтобы Тита излечить отъ болѣзни и обьявить его своимъ зятемъ. Гезиппъ же напро-

тивъ

тивъ ни о чемъ больше не старался, какъ о здравіи Титовомъ.

Стараніемъ Докторовъ Титъ пришелъ въ первое свое благополучное состоніе, чему Аристиппъ, Софронія и Гезиппъ много радовались и благодарили боговъ. Аристиппъ объявилъ Тита своимъ зятемъ и и обручилъ его съ Софроніею, и безъ всякаго замедленія совершилъ бракосочетаніе. Гезиппъ у молодаго Римлянина былъ вмѣсто отца и пріятелей.

Титъ, по совершеніи брака, еще два мѣсяца прожилъ въ Аѳинахъ; но смерть Публія Фульвія была причиною Титу оставить Аѳины и ѣхать въ Римъ. Для него весьма было болѣзненно оставить такого друга, кото-

которой . . . . . . Таковое разлученіе было весьма жалостно. Тит заклинал Гезиппа, чтобы он пріѣхал в Рим; Гезипп с клятвою обѣщался сіе исполнить. Тит повез свою супругу в Рим, гдѣ ея красота и преострой разум в великом были почтеніи, но ея добродѣтель все сіе превышала. Ее почитал Меценат Агриппа, упоминал о ней в своих стихах Овидій и всѣ Римскія госпожи ни в чем с нею сравняться не могли. Цесарь Август принял Тита, как сына такого, котораго он сердечно любил. Он оказал ему ту самую честь, какую отец его имѣл, и наградил его тѣми же чинами.

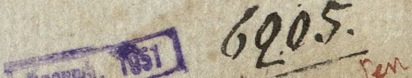
По прошествіи не малаго времени и Гезипп пріѣхал в Рим, кото-

рой также Августомъ былъ благосклонно принятъ и почтенъ равнымъ достоинствомъ Титу. Между тѣмъ Гезиппъ, пылая чрезмѣрною любовію къ Фульвіи, открылся Титу, что могъ ему уступить Софронію безъ потерянія своей жизни, а безъ Фульвіи ему жить не возможно. Много радовался сему Титъ, благосклонно принялъ его предложеніе, и сочеталъ его съ прекрасною Римлянкою, которая чрезъ свою изрядную добродѣтель увѣрила, что Гезиппъ ей пріятенъ. Торжество было неописанное при бракосочетаніи Гезиппа съ Фульвіею, и чрезъ то болѣе укрѣпили свою дружбу съ Титомъ. Наконецъ

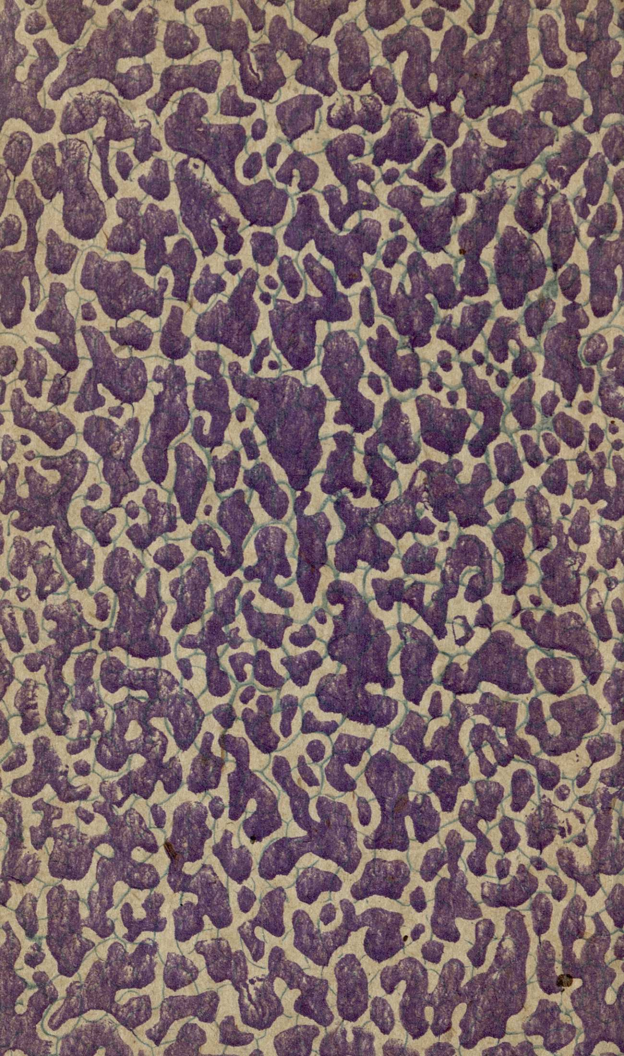
нецъ оба сіи друзья заключили, что первое щастіе человѣка состоитъ въ сей жизни въ истинномъ другѣ, а другое имѣть вѣрную и цѣломудренную супругу.

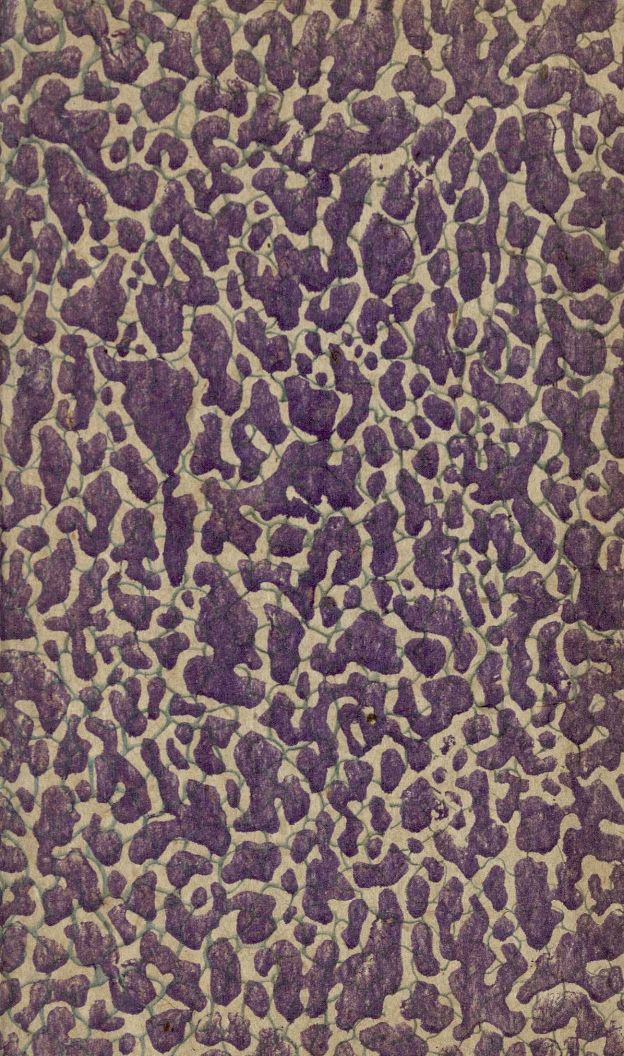
КОНЕЦЪ.

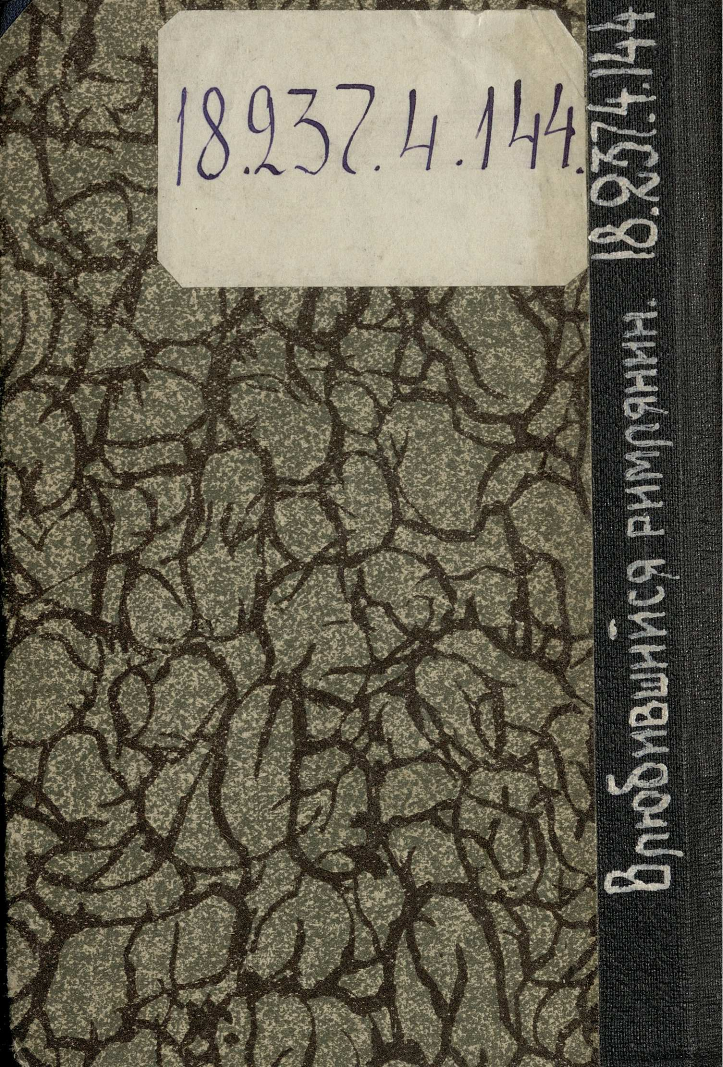

18.237.4.144.
Влюбившийся римлянин. 18.2374.144